

Дун Чжо с кустистыми усами тяжело вздохнул: Здесь не только мы, даже стражники перевернули всё вверх дном, но так и не нашли пресловутые бухгалтерские книги и письма. Как думаешь, куда Вэй Юань мог спрятать бумаги?

Молодой человек лет двадцати семи-двадцати восьми, стоявший рядом, отозвался: Если бы я знал, стал бы я здесь вместе с тобой торчать?

Дун Чжо вновь издал скорбный вздох: Не стоило мне тогда поддаваться наваждению и давать согласие главному канцлеру, иначе не было бы сегодня столько бед!

Шэнь Юньлай насмешливо хмыкнул: Сделанного не воротишь, толку теперь жалеть об этом?!

Дун Чжо тут же замолчал. Чиновники, отправленные двором для оказания помощи пострадавшим от бедствия, придут на днях. Если они не найдут записи и письма, всем им конец!

Взгляд Шэнь Юньлая помрачнел: Нашли мы эти бумаги или нет — хорошего ждать не приходится. В конце концов, мы предали регента.

Лицо Дун Чжо побледнело. Все три года в своих донесениях они писали, что в Чжэчжоу всё в порядке. Теперь, когда правда вскрылась, их не ждет ничего доброго, и сейчас все их ставки были сделаны на главного канцлера.

Похоже, господин Шэнь всё же довольно хорошо знает меня.

Дун Чжо и Шэнь Юньлай в ужасе отпрянули и разом обернулись к дверям. Чу Цзюсю стоял на пороге, ледяным взглядом изучая обоих.

У Дун Чжо подкосились ноги: Ре-регент!

То, что Чу Цзюсю был в курсе происходящего в Чжэчжоу, объяснялось просто: предателем был не только Дун Чжо. Помимо него, Чу Цзюсю тайно внедрил еще одного человека — Шэнь Юньлая! Чу Цзюсю просто не повезло: Дун Чжо и Шэнь Юньлай оказались в одном лагере с разницей лишь в несколько шагов. Когда Дун Чжо узнал, что Шэнь Юньлай тоже человек регента, он перепугался до смерти. Письма, которые они оба отправляли Чу Цзюсю, составлялись сообща, поэтому регент, разумеется, не видел в них подвоха.

Дун Чжо с глухим стуком рухнул на колени: Ваше Высочество, у меня не было выбора! Вся моя семья, жена и дети, находятся в руках главного канцлера, я был вынужден так поступить.

Дун Чжо был назначен сюда по воле Чу Цзюсю, и любой легко мог проверить его личность. Рассказы о том, что Фань Вэньфан угрожал его семье, были чистой ложью. Тот старый лис всегда был предельно осторожен и не стал бы действовать так опрометчиво. Слова Дун Чжо

были полны нестыковок.

Взор Чу Цзюсюя переместился на Шэнь Юньлая: А какую отговорку придумаешь ты, чтобы одурачить меня? Только не говори то же самое, что и он. Если бы ты сам не проговорился, кто бы узнал, что ты мой человек?

С самого рождения и до начала чиновничьей карьеры Шэнь Юньлай официально не имел никакой связи с Чу Цзюсюем. Его назначение в Чжэчжоу стало результатом сложной политической борьбы, он был протее самого Фань Вэньфана. Если бы он сам не признался, Фань Вэньфан ни за что бы не догадался, что тот на стороне Чу Цзюсюя.

Видя молчание Шэнь Юньлая, Чу Цзюсюй усмехнулся: Ослепила здешняя роскошь? Твои клятвенные заверения о том, что ты будешь печься о народе и станешь честным чиновником, всё еще звучат у меня в ушах. Прошло всего три года, а ты превратился в одного из тех, кто обирает людей, и позабыл о своих изначальных целях. Не знаю, что вы скажете на это, господин Шэнь?

Шэнь Юньлай ответил: Каждый сам за себя, а небеса покарают тех, кто против. Нет смысла больше говорить.

Хорошо, раз нет смысла говорить, тогда скажите то, что должны сказать. — Холодный взгляд Чу Цзюсюя впился в Дун Чжо. — Чья это была идея — заставить крестьян засадить все поля лекарственными травами?

Дун Чжо побледнел: Это идея Вэй Юаня. Это он заставлял их сеять только травы. Если кто-то пытался посеять зерно, он уничтожал урожай, и так продолжалось до тех пор, пока люди не соглашались подчиниться.

Цин Юй помрачнел: Вэй Юань — сущий пес!

Где жена и дети Вэй Юаня? — спросил Чу Цзюсюй.

Все мертвы, их тела в яме для непогребенных, — поспешно ответил Дун Чжо. — Это правда не имеет ко мне никакого отношения! Когда я нашел их, они уже были мертвы!

Через полчаса оба выложили всё, что знали. Дун Чжо оказался человеком дальновидным, а вот Шэнь Юньлай от пережитого ужаса просто сполз на пол. Оба, дрожащими руками, подписали протоколы допроса. Затем они отправились к ним домой, изъяли бухгалтерские книги и переписку с Фань Вэньфаном. Лица мужчин были серыми от горя, их заключили под стражу в ожидании прибытия Гоу Вэя для вынесения приговора.

Чу Лань, глядя на наполовину пустующий зал заседаний, чувствовал стеснение в груди, но внешне сохранял невозмутимость. Лишь две чашки холодного чая, выпитые одна за другой,

выдавали его дурное расположение духа.

Ни Чу Цзюся, ни Цзин У не было во дворце. Регент находился в Чжэчжоу, а государственный наставник, хотя все знали, что он не в Чжэчжоу, всё равно должен был делать вид, что отправился туда. Раз уж нужно было играть роль, то стоило делать это правдоподобно: Цзин У выехал в сторону Чжэчжоу глубокой ночью.

В зале появился человек, которого там быть не должно было — Чжоу И, маркиз Вэйчжэнь. Он очень вовремя имитировал паралич и так же вовремя чудесным образом исцелился. Чу Лань лишил его титула маркиза, но должность сохранил. Вдовствующая императрица Чжоу неплохо относилась к своему сводному брату, к тому же, учитывая его заслуги, Чу Лань не стал преследовать его за симуляцию болезни.

Чу Юань выпросила разрешение посетить тюрьму. Чу Лин, будучи принцессой, получила отдельную камеру, но это была тюрьма для особо опасных преступников, так что всё её убранство состояло из кучи соломы. Чу Лин сидела на ней, подперев подбородок, и смотрела в пустоту. Ничего хорошего её не ждало.

Дверь камеры отворилась, вошла Чу Юань. Она молча смотрела на Чу Лин. С детства, лишившись родителей, они росли при великой вдовствующей императрице и были очень близки, но всё изменилось после того, как Чу Лин упала в воду. Она стала эгоистичной, ставя свои интересы превыше всего, не заботясь о чувствах других и о том, причиняет ли она кому-то боль. Чу Юань отдалилась от неё, став даже более отчужденной, чем от Чу Цзюся.

Когда Чу Юань продолжила молчать, Чу Лин не выдержала. Она никогда не умела сдерживаться: Тебе доставляет удовольствие смотреть, как я опозорена?

Во что ты превратилась? — с разочарованием произнесла Чу Юань. — Помогала дяде, с которым у нас нет родственной близости, отобрать трон у родного брата! Забыла, что ты принцесса, и хотела выпросить у дяди титул княгини? У тебя разум помутился? Ты хоть раз подумала о бабушке, когда творила это?

А вы обо мне подумали? — голос Чу Лин сорвался на визг. — Я всего лишь хотела выйти замуж за того, кого люблю, но никто из вас не помог мне, вот мне и пришлось искать свой выход.

Чу Юань в гневе рассмеялась: И твой выход — помогать Чу Фэну в мятеже?

Он обещал, что как только станет императором, государственный наставник будет вынужден жениться на мне. — Чу Лин выглядела жалко. — Кто же знал, что он такой никчемный. Не успел даже подобраться к трону, как пришлось спасаться бегством.

Раньше я думала, что у тебя в голове одни романтические грезы, а теперь вижу — у тебя там вообще пусто. — Чу Юань была в ярости. — Кто такой государственный наставник? Человек, стоящий ниже лишь одного, но выше всех остальных. За его спиной — бесчисленные связи и

славный Храм Защиты Государства. Даже если бы Чу Фэн взошел на трон, его права были бы сомнительны, и ему оставалось бы только заискивать перед наставником. Ты грезила наяву, надеясь, что он обидит наставника и Храм ради такой незначительной фигуры, как ты!

Чу Лин в ярости выкрикнула: Да, я безмозглая! Вы все такие умные, вот только в итоге в яме оказалась я одна. Раз уж пришла сюда, то какой теперь толк от твоих слов, кроме как потешиться над моим падением?

Верно, теперь говорить бесполезно. — Чу Юань сохраняла спокойствие. — Ради нашего родства я пришла в последний раз, но вижу, что ты по-прежнему упорствуешь в своем безумии.

Сказав это, Чу Юань развернулась и ушла. Дверь со лязгом захлопнулась. Чу Лин сорвала с запястья нефритовый браслет и с силой швырнула его в решетку. Чу Юань, услышав это, даже не оглянулась.

Под палящим солнцем солдаты с разбитыми лицами таскали тела, которые некому было хоронить, чтобы сжечь их. Столбы дыма поднимались до самых небес. Чу Цзюсюй и его люди действовали достаточно быстро, поэтому признаков эпидемии в Чжэчжоу еще не было, но, если оставить трупы гнить, беда была бы неизбежна.

Гоу Вэй, продвигаясь вперед, уже достиг соседнего уезда и завтра должен был прибыть в Чжэчжоу. Оставалось надеяться, что всё пройдет гладко, ведь только при благоприятной погоде народ может жить в покое.

После исчезновения Дун Чжо и Шэнь Юньлая среди чиновников Чжэчжоу началась паника. Один из мелких чиновников, желая выслужиться, раздал свои запасы продовольствия нуждающимся. Другие, движимые непонятным чувством, последовали его примеру и начали раздавать кашу и зерно.

Услышав об этом, Чу Цзюсюй лишь холодно усмехнулся: Раньше оставались равнодушными, а теперь решили искупить вину? Даже не мечтайте, в моих глазах вы не заслуживаете ни единого шанса!

Черный густой дым устремлялся ввысь, сопровождая крики душ невинно убиенных. Разве можно простить этих чиновников, ради погибших людей?

Чу Цзюсюй и трое его спутников издали смотрели на пламя и слушали душераздирающие вопли. Эмоциональное состояние оставшихся в Чжэчжоу людей было крайне нестабильным. Чу Цзюсюй приказал сжигать только тех, кого никто не опознал, а тех, у кого были родственники, пока не трогали. Даже если сжигали не их близких, вид охваченных пламенем тел заставлял каждого скорбеть.

Меньше чем за сутки большую часть тел сожгли. По приказу Чу Цзюсюя, яму для непогребенных, переполненную трупами, тоже подожгли. Стражники, обливаясь потом,

источали невыносимый смрад. Двести человек, оставшиеся в городе, были лишь малой частью гарнизона, другие же сбежали вместе с командующим Шао Ганмином.

Этому отряду Шао Ганмина не повезло встретить Гоу Вэя во время грабежа. Разговор был коротким: всех схватили и связали, чтобы отправить в столицу на суд Чу Ланя.

Всё, что подлежало сожжению, было уничтожено. Горы пепла и золы Чу Цзюсюй приказал похоронить, выкопав огромную яму.

Гоу Вэй прибыл в Чжэчжоу под вечер в сопровождении монаха в белых одеждах. Цин Юй, наконец, смог принять свой истинный облик и больше не притворяться холодным и неприступным.

У городских ворот выстроились чиновники всех рангов; они вытирали холодный пот и заискивающе улыбались Гоу Вэю. Это были все, кто остался в городе — те, кто хотел сбежать, были перехвачены людьми Чу Цзюсюя и заперты вместе с Дун Чжо.

Гоу Вэй, увидев Чу Цзюсюя в маске, поспешно поклонился: Регент.

Взгляды чиновников упали на Чу Цзюсюя, и их лица мгновенно побелели.

Чу Цзюсюй проигнорировал их испуганные взгляды и сухо произронил: Арестовать всех.

Солдаты бросились вперед, схватив чиновников, чьи мольбы о пощаде остались без ответа.

Гоу Вэй устроил людей в канцелярии и с жаром взялся за распределение каши и продовольствия, стремясь к тому, чтобы до конца дня каждый беженец получил еду. Солдаты, избитые людьми Чу Цзюсюя, были брошены в тюрьму, и даже самые легко провинившиеся не избежали увольнения.

Чу Цзюсюй сидел в кресле, глядя на бородатого мужчину, загорающего на солнце: Это и есть командующий гарнизоном Чжэчжоу Шао Ганмин?

Цзин У уже снял коническую шляпу и, услышав вопрос, издал звук, похожий на согласное мычание.

Чу Цзюсюй заподозрил неладное: Похоже, он тебе очень не нравится. Он украл твои деньги? Или увел твою возлюбленную?

Эмоции Цзин У всегда были ровными, так что проявление чувств было большой редкостью.

Ни то, ни другое, — невозмутимо ответил Цзин У.

Я не верю, что у тебя не было своих людей в Чжэчжоу. Не он ли был твоим ставленником? — спросил Чу Цзюсюй.

Цзин У кивнул, подтверждая.

Оба моих человека предали меня, и вот надо же, твой — тоже. — Чу Цзюсюй цокнул языком. — Интересно, как устроена голова этого старого хрыча Фань Вэньфана? Уж я-то точно не был к ним несправедлив.

Цзин У пояснил: Я спас Шао Ганмина, он добровольно согласился работать на меня.

Ты ведь ничего ему не платил? — видя выражение лица Цзин У, Чу Цзюсюй покачал головой. — Разве монахи не должны презирать золото, как прах? Почему ты такой жадный? Сегодня я тебя раскусил. Неудивительно, что Шао Ганмин предал тебя, как только появилась возможность.

Цзин У ответил: Я предлагал ему деньги, но он сказал, что служит мне в знак благодарности за спасение жизни, и не взял их.

Отказался от дармовых денег, но не побрезговал наживаться на народном добре, — вздохнул Чу Цзюсюй. — Тяжело быть человеком, а быть правителем — еще тяжелее. Никогда не угадаешь, что на уме у подчиненных. Они изменчивее, чем девушка, скучающая по возлюбленному.

Раз уж Цзин У приехал, он не мог сидеть без дела: целыми днями он лечил людей бесплатно, а Гоу Вэй был еще занятнее. Единственным, кто бездельничал после завершения своих дел, был Чу Цзюсюй. Он ходил за Цзин У по пятам, не принося никакой пользы, а только путаясь под ногами.

Цзин У молчал, а Чу Цзюсюй притворялся, что не замечает недовольства. О сокровищах можно было забыть, единственное, что ему оставалось — это помогать Цзин У, чтобы тот не требовал вернуть долг, ведь он был сейчас ужасно беден.

На пятый день после приезда Гоу Вэя наконец разразился проливной дождь. Весь Чжэчжоу ликовал, многие люди, глядя на струи воды, рыдали навзрыд.

После дождя Чу Цзюсюй и Цзин У должны были вернуться в столицу. Порядок в правительстве был частично восстановлен, и обоим предстояло много работы. Господин Гоу не мог уехать: большинство чиновников Чжэчжоу были в тюрьме, а оставшихся было слишком мало и они были ни на что не годны. Гоу Вэю пришлось остаться, чтобы удерживать контроль до приезда новых назначенцев от Чу Ланя.

Чу Цзюсюй только прибыл в Шанцзин и не успел выпить чаю, как получил известие, что Не Минчжи покончила с собой в тюрьме.

Улыбка на лице Чу Цзюсюя угасла, голос прозвучал глухо: Похороните её с почестями.

У Не Минчжи могло быть светлое будущее, но из-за алчности Не Цзэу она в одночасье погубила себя, выбрав смерть в столь юном возрасте. Чу Цзюсюй и Чу Лань не тронули Мэй Жо; на самом деле, указ, который Чу Лань написал в тот день, был не о передаче престола, а о помиловании Мэй Жо и её нерожденного ребенка.

Весь род главного канцлера был казнен, большинство участников мятежа погибло. Чтобы не затягивать с расправой, Чу Лань приказал вырвать все признания, а затем положил конец их страданиям.

Фань Вэньфан, возможно, предчувствовал этот день и принял яд еще до того, как его доставили в тюрьму. Чу Лань был в ярости, но мертвых не воскресить, так что дело было закрыто.

Чу Лин лишили титула принцессы, превратив в простолюдинку. Жэнь-ванфэй и двое её детей также были разжалованы и пожизненно лишены права покидать пределы столицы. Жэнь-ванфэй наконец вздохнула с облегчением: пока они живы, жизнь как-нибудь наладится.

Причиной этого мятежа была смерть Вэнь Шу, что доказывает, что он умер не зря — сколько людей отправилось следом за ним! Яд, которым его отравили, дал Чжоу И, он же замешал в это дело Чжоу Цзыхэна и Чу Юань, что привело Чу Цзюсюя к ресторану Маньфанлоу.

Чжоу Цзыхэн по следам догадался, что кто-то начал расследование. Когда Чу Лань забрал кормилицу вдовствующей императрицы Чжоу, это стало последней каплей.

Чжоу И предал!

Если Чжоу И предал, то далеко ли было до Чу Фэна? Как только Чу Цзюсюй вычислил бы его, он стал бы вдвойне осторожен, и шансы Чу Фэна на успех стали бы ничтожно малы. Чу Фэн обратил взор на Фань Вэньфана: только если Фань Вэньфан и Чу Цзюсюй уничтожат друг друга, он сможет захватить трон. Так Фань Цо попал в поле зрения Чу Фэна.

Фань Цо был человеком недалеким и жаждущим быстрой выгоды, им было легко манипулировать. Люди Чу Фэна сделали свое дело, и поступок Фань Цо шокировал, но и обрадовал Чу Фэна: тот избавился от Вэй Юаня. Винить стоило лишь Фань Вэньфана, который слишком дорожил этим глупым сыном, позволив Фань Цо захватить власть.

Когда Фань Вэньфан отправил людей разгребать последствия, было уже поздно. Бухгалтерские книги и письма, которые были для него смертным приговором, не нашли, и дело дошло до Чу Ланя. Из-за выходов Фань Цо Фань Вэньфан был вынужден восстать, понимая, что его толкают

в угол, но всё же оставил себе путь к отступлению. Фань Фань исчез, и никто не знал, где он.

По логике вещей, трон должен был занять внук, так что старый Чжэньвэй-хоу не должен был вмешиваться, но у каждого свои симпатии. Внуки бывают разные: Чу Фэн был сыном его любимой дочери, наложницы Чжоу, а Чу Лань — сыном его нелюбимой дочери, вдовствующей императрицы Чжоу.

Самым большим приобретением Чу Ланя стали груды золота, серебра и бесценных антиквариатов, вывезенные из поместья главного канцлера, а также огромное количество золота и векселей, конфискованных у Чу Фэна. Государственная казна, которая была пуста, внезапно наполнилась.

Все доступные для обнаружения силы Фань Вэньфана и Чу Фэна были уничтожены, а те, кого не удалось найти, будут отслеживаться постепенно.

Чу Цзюсюй сидел в кресле, попивая чай: Что ты намерен делать с Чжоу И?

Конечно, использовать. Сейчас государству не хватает людей, — ответил Чу Лань. — Чжоу И знает, когда нужно подчиниться. Пока я сижу на троне, он не посмеет ничего предпринять. Но он человек холодный и посредственный, использовать его можно, но приближать не стоит.

У Чу Цзюсюя не было возражений: Пусть будет так. Перед отъездом в Чжэчжоу я доверил тебе столицу, но некоторые вещи меня разочаровали. Я велел тебе следить за Чу Лин, но ты даже не знал, когда она снюхалась с Чу Фэном. Я велел следить за поместьем Вэйчжэнь, но пропустил, как старый хоу вломился во внутренние покои.

Чу Лань понуро опустил голову: Прости, дядя, я не справился.

Раз уж понял свою вину, в следующий раз не совершай таких ошибок. И я тоже виноват, — Чу Цзюсюй вздохнул. — Всё-таки я слишком оберегал тебя.

Чу Лань с любопытством спросил: Дядя тоже совершал ошибки?

Разумеется, — голос Чу Цзюсюя стал отстраненным. — Именно из-за своей ошибки я потерял первого друга в жизни. Если есть человек, перед которым я в неоплатном долгу, так это мой бывший компаньон по учебе — Ло Лань!

Что ты сделал, дядя? — спросил Чу Лань.

Чу Цзюсюй опустил веки, скрывая промелькнувшую боль: Из-за меня его род был полностью истреблен!

Чу Лань смутился: Прости, дядя. — Он перевел тему: Половина должностей пустует, может, проведем экзамены заранее? Как ты на это смотришь?

Забудь, — покачал головой Чу Цзюсюй. — У меня голова идет кругом от этих вычурных статей. Лучше поручим это императорскому наставнику и другим старикам, знающим толк в литературе.

Чу Лань нахмурился: Наставник говорил, что в детстве ты был блестящим литератором, не похоже, чтобы это тебе претило?

Чу Цзюсюй сухо кашлянул: У меня отличная память. Все статьи писал Ло Лань, а я, пока наставник не видел, подглядывал и просто переписывал. Тебе лучше этому не учиться.

Чу Лань: ...

Нормальный человек этому и не научится!

Чу Лань снова сменил тему: Есть ли у тебя соображения по поводу замужества великой принцессы?

Чу Цзюсюй нахмурился: Давай еще поглядим.

Сейчас он чувствовал себя так, будто выбирает мужа для дочери: то одно не так, то другое не нравится, в общем, всё не по сердцу.

После подавления мятежа великой вдовствующей императрице потребовалось полмесяца, чтобы прийти в себя. На примере Чу Лин она стала крайне внимательно относиться к браку Чу Юань. Чу Юань сначала стеснялась, но после бесконечных расспросов стала относиться к этому равнодушно.

Она хотела было спрятаться у Чу Цзюсюя, чтобы отдохнуть, но оказалось, что дядя тоже ломает голову над её замужеством. Чу Юань взяла несколько листков со стола Чу Цзюсюя: Дядя, ты выбрал Тао Ехуна, второго сына главы министерства обрядов?

Должность мужа принцессы со времен прошлой династии была невысокой, и если бы он выбрал талантливого старшего сына из знатного рода, это привело бы не к союзу, а к вражде. Тао Ехуна не интересовала карьера чиновника, все свои силы и ум он направлял на торговлю, но, что важнее, он не был жаден до наживы и обладал ясным умом.